

А. С. АЛЕКСАНДРОВ,

*профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД РФ,
доктор юридических наук*

РОССИЙСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В нашей правовой культуре присутствуют (так было всегда) и консерватизм, и либерализм. Представители этих идеологий по-разному себя называли, но в целом не будет ошибкой консервативную позицию связывать со славянофильством, почвенниками, патриотами, православными. Современный неоконсерватизм (фундаментализм) в правовой культуре продолжает выполнять традиционные функции — охранительную, педагогическую, хвалебную, персуазивную.

Среди русских правоведов — приверженцев консервативных взглядов — были и есть искренние, верующие люди, некоторые их тексты сохраняют значимость и актуальность на века. В настоящее же время неоконсерватизм в моде, а с сентября 2003 года — его антизападная воинствующая заостренность приобрела в России особую актуальность. Наверное, какие-то черты консерватизма в общем интеллектуальном пейзаже важны. Более того — необходимы для баланса, создания разнообразия видов и, соответствен-

но, — действия закона естественного отбора, развития. Плохо, когда получается монополизм. Опасно поголовное увлечение консервативными идеями. В условиях нашей страны так легко под «мудрым» руководством начальников любую идею превратить в догму¹.

Лагерь наших либералов также весьма многочислен и криклив. В 1990-е годы нам все уши прожужжали про права человека. Надоело. К тому же мы видели, как либеральные «общечеловеки», рассуждая о правах абстрактного человека, переступают через конкретных людей. Так что либеральный проект как-то потускнел, мода на либеральные идеи прошла. Отсюда брюзжание по поводу объективных трудностей. «Проблема выраживания институтов — это проблема ключевая, но решения не имеет», — иронически

¹ По моим наблюдениям, дураков в рядах консерваторов больше всего (по крайней мере среди процессуалистов) — народ валом повалил под их знамена, поэтому главная угроза неоконсервативной идее — попутчики, конъюнктурщики и начальники.

заметил отец либеральных реформ Е. Гайдар. Все дело в том, что институты не начнут хорошо работать, пока не образуется вековая традиция. Пересадить институты из-за рубежа невозможно. «Кактусы так выращивать можно, а институты — нет»². Становление институтов либеральной демократии не решается декретированием. Как выясняется, «выращивать» подобные институты — это значит перенастраивать головы соотечественников. Это все равно что произвести перезагрузку памяти у пользователей языка русского права, создать матрицу, способную производить новые смыслы, образовать новую интеллектуальную духовную среду. А как показывает опыт, россиянину по-прежнему трудно определиться, что ему дороже: севрюжати́на с хреном или конституция.

Замечу, что при всем различии у респектабельных либералов и консерваторов есть нечто общее. Системность. Они представители системы. Их идеология — это идеология тех, кто у власти и при власти, в коридоре власти. Поэтому в своих теоретико-философских проектах они подсознательно исходят из того, что право — это средство, которое защищает их ценности, их интересы. Получается их превосходство.

Конечно, «игра» на правовом поле возможна, когда соперничающими командами являются эти две системные силы. И право на истину переходит из рук в руки только этих игроков, заключивших договор с властью. Но есть одно «но», которое наиболее ярко проявляется в лицемерии потешных комбатантов. После более или менее продолжительного наблюдения за их суетливой ябобы «борьбой» возникает ощущение, что являешься объектом глобального надувательства. Рад за тех, у кого такого ощущения не возникает. Привычка, значит.

Отечественная правовая наука всегда была придворной. Она обслуживала авторитарную власть. Была открыто партийной. И, по моему, некоторые мои коллеги (и консерваторы, и либералы) не видят иной альтернативы для себя, чем выступать от лица данной (Богом?) власти и служить ей. Поэтому-то, наверное, смена социально-экономической формации прошла для большинства наших юристов достаточно безболезненно, даже незаметно³.

² См.: Известия. 2005. № 58 (7 апр.).

³ В свое время на меня крах СССР, советской государственно-правовой системы, а по большому счету — вообще структуры, произвел неизгладимое впечатление (наверное, потому что я непосредственно переживал его в одной из горячих точек страны, далеко от России). Поэтому принятие деконструкции как мето-

Они изменили свои социалистические убеждения на буржуазные естественным образом — вместе с властью предрержащими. Роль слуги при троне правителя, угодливого царедворца, мастера хвалебной речи, который в случае идеологической диверсии против власти (государя) превращается в злобную, верную собаку красноречия — такой видят свою роль некоторые мастера юридической науки⁴. Во всем этом есть, конечно, много удобств, которые за очевидностью не стоит и обсуждать. С властью лучше не спорить. Многие так считают по убеждению (по должности), некоторые — приспособливаются. В этом есть сермяжная (она же посконная, домотканая, сусальная) правда для русских юристов.

Кстати, во многом назначение русской правовой науки, а также корни позиции многих моих коллег старшего поколения стали для меня выясняться лишь в последнее время с процессом кристаллизации национальной идеи под условным названием «суверенная демократия». Мне думается, в воздухе витает сакраментальное «с кем вы, мастера культуры?» Что есть научная истина — определяется сейчас в Москве: в столичных журналах, издательствах, ну и, конечно, в государственных структурах, которые имеют официальные полномочия присваивать ученые степени и звания. Зримые признаки учености зависят от государства. Заметим: не от сообщества себе подобных, не от общественного мнения своих коллег по научному цеху — все это так и не приобрело сколько-нибудь большого значения.

Смысл изменений, происходящих сейчас в управлении наукой, состоит в том, что государство в определенной мере возвращает себе власть над научным дискурсом (юридическим, гуманитарным). И, наверное, делает это по праву, раз сами ученые мужи не могут собой управлять и существовать достойно. Но мы помним, чем кончила советская юридическая наука, устроенная таким манером. Кто не помнит или не знает, напомню: склеротическим вырождением⁵.

да анализа текста было для меня самым естественным выбором. Таким же образом я стал приверженцем школы критических правовых исследований (CLS).

⁴ Мелкая грызня и свары между собой — не в счет. Это издержки борьбы за теплое место у ног начальства.

⁵ Вначале и у советского правового проекта были свои достижения. Были созданы концепты, из них самые продуктивные связаны с правосознанием, интуицией народа: народный суд, народное обвинение, народная защита, народное право. Был свой стиль. Но главное, наверное, в том, что вначале была вера, пассионарность. Значит, была потенция для производства смыслов, креативность. Была свобода дискуссии. Все это позволило создать Стучке и Пашуканису в начале

Монополия, поддерживаемая внешними средствами, отсутствие конкуренции губительны для науки. Писать философский текст о праве — идти колдовским путем. Значительность философского текста о праве состоит в его способности заинтересовать возможно больший круг читателей (коллег) новым, провокационным смыслом, увлечь содержанием, формой.

На мой взгляд, диалог, который ведут либерал и консерватор о праве, недостаточен, чтобы понять сущность права (ведь чтобы понять, что такое вещество, надо понять «анти-вещество»). Так, одна из важнейших идей Фуко состоит в том, что закон не исключает противозаконностей, но культивирует их.

Право защищает правых и доказывает вину тех, кто не прав. Но кто он, этот Винаватый? Принадлежит ли он к миру Права? Полагаю, что да. Право — это не только смысл речи судьи и прокурора, уполномоченного выступать воплощением закона при толковании его текста, но и речь преступника, того, кто нарушает закон.

«Внесистемность» как таковая, ее допущение означает не разрушение системы, не идеологическую диверсию, а понимание, что система есть переходное состояние к хаосу, анархии. Не замалчивать, а проговаривать эту обратную сторону права (в свое время этот вопрос наметил Л. Петражицкий). Наша философия права должна осознать значимость темы анархии, беспорядка, распада. Нельзя считать это табу. Напротив, это естественные явления правовой действительности. Пока данная проблематика у нас в науке не осмыслена. В частности, тезис Фуко о том, что уголовно-правовая система служит стимулированию преступности, ее формированию не в меньшей степени, чем подавлению и борьбе с ней. Надо «видеть» право «читать» правотекст и с изнанки, с позиции тех, кто внизу. Думаю, маргинальный, альтернативный сегмент должен существовать в гипертексте-праве (быть его частью) и интерпретаторы вправе делать ссылки на него. Традиционный

1920-х годов великие тексты о праве. Притом что эти же люди в 1930-е годы стали пошляками. А потом, как по Хармсу, наступила усталость, скука, за которыми начинается ужас. Произошла узурпация права на голос. Осталось одно верное учение, право которого было в том, что оно право. Догматический образ мышления нынешних правоведов обусловлен тем же — абсолютистским мировоззрением отечественного правоведения, философской подкладкой которого является диалектический материализм в его позднесоветском, то есть наиболее ортодоксальном изводе. Одним этим уже радикально сужается возможная дискуссия о ключевых проблемах науки, а тем более способах их решения.

юридический дискурс (логоцентристский) подавляет маргинальные голоса тех, кто оказался вне системы, а надо бы признать право голоса за радикалами (левыми и правыми)⁶.

Затронув вопрос о маргинальности, мы подошли вплотную к тому, что я считаю постмодернистской позицией в понимании права. Постмодернизмом подвергнут сомнению тезис об объективности науки. Постмодернист знает, что все о праве уже было сказано до него. Остается только игра в слова, комментирование текста. Любое знание о праве — «раскавыченная» цитата. Сказать о праве — значит сделать ссылку на тот или иной текст: «Как сказал Гегель, право — это...»

При этом у постмодерниста нет идеологической прививки. Постмодернизм в какой-то мере освобождает от привязанности к идеологической пристани, «отвязывает от колышка». Любая идеология — один из возможных вариантов перевода чувственных ощущений в знаки, в их толкование. Любой набор идеологием — преходящая установка на интерпретацию. Система идеологических ценностей, даже суждения здравого смысла трактуются в понятиях риторики — топы, общие места, которые служат опорами аргументации, для построения фигур мысли и речи. Конфигурация истинного знания — это проблема взаимодействия в речи пафоса оратора и этоса аудитории, а в конечном итоге — языковой компетенции субъектов коммуникации. Все относительно. Постмодернисты — это софисты нашего времени.

Мне не хочется связывать себя ни с какой позицией (хотя, как я говорил, мне может быть симпатична та или иная позиция). Я не знаю, правильно ли быть постмодернистом — время покажет. Хотя, что-то (совесть?) подсказывает: буду гореть в аду. А пока мне нравится разлагаться. Как сказал Уолш, «я хочу быть таким, как вы. Чтобы была жизнь, работа, карьера, семья, телевизор, стиральная машина, автомобиль, компактные диски, плеер, хорошее здоровье, низкий уровень холестерина в крови, зубная паста... Друзья, спорт, фразы, когда нужно и когда не нужно, телешоу... — гниение, а все равно приятно» (Train-spotting, 1996).

Впрочем, это эмоции (неправовые). Если говорить о рациональной стороне дела, то вкратце моя установка на понимание права

⁶ Лично мне «леваки» ближе. Нельзя не признать некой духовной силы у идеи, которую хорошо выразил Юджин Дебс: «Пока существует низший класс — я к нему отношусь, пока существуют преступники — я один из них, пока хоть одна душа томится в тюрьме — я не свободен».

сводится к следующему. Право — это текст закона, помноженный на его интерпретацию. Я как читатель текста закона не в меньшей степени сопричастен к производству смысла, чем автор этого текста. Федеральное собрание — автор права? или президент? или народ? Законы не имеют никакого другого смысла, кроме того, который мы, каждый из читающих их, понимаем. Право разлито в сознании, психологии народа. Текст закона пуст и ждет, когда мы наполним его в ходе чтения энергией своего истерического наслаждения. Инстанция права (место его обитания) — в юридическом, судебном дискурсе, то есть в проговаривании смысла текста, переживании его. Право — это то, что говорит по поводу закона некто (обычный гражданин, здравомыслящий, совестливый, обладающий языковой компетенцией). Правом является только тот смысл текста закона, который способны понимать и принимать люди.

Сказанное приводит к парадоксальному выводу (за который меня много и сильно били): я — источник права. Так же как ты, он, другой... Интерпретатор. Участник диалога о праве. Супер-эго.

— Следовательно, чем я не являюсь для права?

— Да всем.

— Что такое я, со всеми своими атрибутивными эмоциями, для права?

— Да ничто.

Я — все право и право во мне без остатка (ведь с моей смертью прекращается и всякое бытие права), и я — ничто в праве (ведь сам я, со всем своим рациональным сознанием и бессознательным, есть продукт некой языковой/правовой традиции, развиваемой русской нацией).

При том, что текст закона для меня обычно — это гвоздь, на который я вешаю свою интерпретацию (возмещающе-замещающий комментарий), я самый настоящий реалист в том смысле, что понимаю: моя интерпретация — одна из многих, и она будет местом, где прописано право (право тут) только тогда, когда мое мнение совпадет с мнением большинства людей этой страны (в идеале) или мнением аудитории (юрисдикционного органа), уполномоченного решать юридический вопрос (а это реально).

Истина и метод, самый субъект и объект — под вопросом. Прежняя диктатура абсолютной истины меняется на не менее радикальный плюрализм истин. Все относительно? Истины нет? Нет твердых оснований для морали, права? Остались только слова? Понимаю, но не разделяю озабоченности по поводу этих вопросов. Мне по большому счету неважно, как произошло и кем придумано право, кто прав в спорах патриотов и западников и т. д. Обратимся к тексту закона, который нам надо истолковать так, чтобы выиграть дело в суде. Гонорар нас утешит.